

Коровин К.

10/ХІІ 862

ЭТЮДЫ О ШЕДЕВРАХ

...«НАДО сказать одно слово: Шаяпин, — писал Константин Коровин, — и это все».

Протокол не заменит картины или песни. Титул не скроет отсутствия таланта. Посредственность, написавшая на своем знамени лозунги здравого смысла, забывает указать, что это здравый смысл мешанина, а не сражающегося за обновление жизни человека.

Жизнь порой неразборчива, но в конце концов строга.

Теперь мы говорим: Константин Коровин — это все. Это прекрасная живопись. Изгнали все писания журналистов, где его именовали то декадентом, то упадочником, то правым, то левым, то слишком маститым... Картины его живут, говорят с нами сочно, взволнованно, радуя — возвращая из обыденного состояния в необычное, человеческое.

«Только искусство делает из человека человека».

Какую ответственность за свой талант и творчество мог чувствовать человек, сказавший эти слова. И как он мог жить. А он так и жил — бесребреником — «продаю за гроши». И одеяло примерзало к телу, и за долги гнали из

вина пейзажами настроения. Если бы мы собрали все их в одном зале — перед нами была бы «история души» природы. И его, Коровина, не так ли? Разве у его картин не ощущаешь мощный отклик в душе своей? Вот непокорный «Ветер» — все смятение, все ходуном: зеленые массы деревьев, свет, небо...

В детстве напитавшийся сказками и сказаниями, легендами и былями, узанными от нянюшек, воображавший себя сказочным героем, пишет он картины вольно, размахисто, картины его дышат свободой и независимостью, закальны. И к тому же думаешь всегда: не таится ли в них некая неназойливая и не требующая моментального ответа загадка?

Природа величественна и сказочна. Как надвигается «Мурманский берег», как фатасмагорично северное сияние («Гаммерфест. Северное сияние») — светлые «столпы» воздвигаются, падают складки плаща великана, шагающего по небу, потоки света обрушиваются на рыбацкий поселок и преобразуют его в былинный город.

Женщина и природа — это

Серовин) — лениво, играючи, лицо приветливое, даже снисходительное. Поза вольная, но это поза воли и рабочей страсти. Как вскинется, как подойдет и к мольберту, и... Портрет таланта создал Серов.

Коровин говорил: «Как я еще не умею работать!» А сколько им наработано! Пейзажи, портреты, панно, иллюстрации, фресковые росписи. Создал много великолепных театральные декораций — «праздник глаза и поэзию». Преподával и был «кумиром молодежи».

...Я болен. Я старик. Я художник. Об этом кричат его нежалующиеся, но «скорбные» письма.

Предчувствие его сбывается: так не хотелось уезжать за границу. Но врачи сказали, что его тяжелобольному сыну помогут только там. Ради денег, на каменных условиях втягивается Коровин в поденщину и уже не может вырваться из клейкой паутины.

Чужая страна, чужие люди. Даже если они говорят на русском языке. «Наш народ русский какие-то здесь странные...» Они настоящие эмигранты, а он нет. Коровин не просто беден, он — нищий художник. В комнате — кровать да стулья. Когда-то в юности встретил он на улице учителя своего, нищего художника Саврасова. Тот был в грязной рубахе, но ее воротник повязал красным бантом. Все же я — артист, — примерно так объяснял своему ученику Саврасов. Он хотел, чтобы окружающие знали: перед ними нищий, но артист. И красный бант означал: артист — это честь, благородство, любовь. Вот и Коровин считал себя таким артистом. Художником России. О родине он никогда не забывал. Писал ее пейзажи «по памяти».

«С великим счастьем вспоминаю Россию и своих друзей, и природу, и снег, и дождик, и небо серое, и траву-ковыль...» Счастье-то великое, а тоска огромная. Они пытались делить эту тоску со старым другом Федей Шаяпиным. Знаменитый, богатый, пытающийся удержать на лице маску веселья, тот все же признавался: «Тоже скитаюсь». И плакал. Кормил Коровина пельменями. Они пели и даже плясали. Но Коровина не оставляло тягостное впечатление, что он «нейнтересный» Шаяпину, который побаивался наверняка, что гость в «невзрачной штанине» станет выклянчивать денег.

И все же Федор Шаяпин дорогой друг. Он снится Коровину и просит снять у него с груди камень. Художник пробует и не может. Утренние газеты сообщили: Шаяпин умер... Весть эта смертельно ранит Коровина.

Коровин лежит больной, и является к нему человек в черном сюртуке: «глаз у него такой острый и похож на ворона». Это он, тот, кто всю жизнь преследовал его — и особенно сейчас. Деловой человек, буржуа больно бьет художника за то, что последний «лучше других видит всю мелкую душонку их бытия». Бьет за видение, за саму жизнь — бескорыстную, радостную и откровенную. Уже сама такая жизнь — вызов людям выгоды и бесчестья.

«Я есть тот мальчик, которого всегда топят, а за что???»

Это напишет известный в прошлом весельчак, любимец публики, элегантный «Демон из Докучаева переулка» Костя Коровин.

А за что? «...Не могу по-коммерчески подходить к жизни и продавать свой труд... а тут это главная наука».

Человек с вороньим глазом неторопливо набрасывает на Коровина петлю, но не вешает сразу, а затягивает петлю, вешает «постепенно», превращая жизнь в «сплошной кошмар». И все последние годы противостоял художник этому кошмару, не находя в своей жизни ложных шагов и твердо зная: она была прожита «не для худа».

Когда умирал один из «чистых, честных людей», один из его учителей, художник и подвижник Василий Поленов, он попросил жену повесить перед ним коровинский этюд — «Речку в Жуковке»: «Я буду смотреть. А если умру, напиши ему в Париж поклон, скажи, что увидимся, может быть, опять на этой речке...»

«А я доброе имел спеть людям — песню о природе красоты...»

А всегда ли делаем мы только любимое и доброе поле?

Прислушаемся: слышна ли песня о добре и красоте с речки в Жуковке?..

В. ЛИПАТОВ.

ИСТОРИЯ ЕГО ДУШИ...

квартиры. Мотался по гостиницам. Долго жил неустроенно, но всегда честно.

«...Ты знаешь, что я не могу ни лгать, ни притворяться... иначе я бы не был Коровин».

Слышите: как спокойно уверенное осознание своего достоинства. И мы снова возвращаемся к уже сказанному: Коровин — и это все. Не только талант, но позиция в жизни — раз и навсегда избранная. Талант, соединенный с позицией, составляет личность незаурядную, рождает живопись, которую человечество бережно собирает и хранит веками, передавая из поколения в поколение. А разве личности не противостоит нечто совершенно заурядный, глядящий на людей с подозрением и отталкивающий в них прежде всего гаденское?

«А я думал, что черта нет, а оказывается есть: черт есть непонимание».

Человек живет не только в истории, а и в свое время. И он раним.

Разве не писал Коровин в конце прошлого века: «Я сейчас маленький осколок нашей художественной жизни, никому не нужный...» Вынудили так написать. И лечился он после нервных срывов в больнице. А от воя и оскорблений спасался в своей мастерской. Или на даче. Был в его жизни светлый период, когда было ему где спрятаться, дать волю своему веселому нраву и вволю половить рыбу. А был он знаменитый рыболов. А. П. Чехов с гордостью писал: «Преподнес мне особый способ рыбной ловли».

На похвалу Коровин откликнулся простоудушно, чистосердечно. В 1918 году его картины смотрели крестьяне: «Ох, ты! Во хорошо! Ах, живая...» Оценки эти художнику нравились.

Он ведь, по сути своей, был человек чрезвычайно артистичный и веселый, — артист, богема, романтик». Невероятно обаятельный. Остроумный. Замечательный рассказчик, да и писатель талантливый. И внешне был красив, вспоминают его очаровательную улыбку. И называли его «Великим корабельщиком».

Мы останавливаемся у картин и говорим: как красиво. Нам объясняют: цвет, свет, художник — великолепный колорист. А вот что говорит сам великолепный колорист, чья свобода живописной манеры широко известна: «сама красота зависит от правды в живописи». Кто после этого скажет, что Коровин непоследователен?

«Окно открыто, — я слышу трепет и шум листьев. Какой главный шум? Как добро проснулось в душе...» К правде идешь от добра. Добро просыпается, тогда он в состоянии понять «дыхание природы». В его пейзажах вечно движение природы, ее нетерпеливость и долгое терпение. Природа у художника будто бы проста, легко объяснима, но как она чувствует, как порывисто и вежливо дышит. Оттого и называют пейзажи Коровина

особая тема в творчестве Коровина. Это тема искренней любви к жизни. Как будто именно женщину прежде всего производил он от природы, намекая на родственную тайну той и другой. Ведь и женщина абсолютно проста и понятна и совершенно необъяснима. Женщина у Коровина не дополнение к пейзажу, но явление — символ. Он останавливает ее на грани природы и дома, где она и существует, не раздваиваясь, едино и уверенно. Чаще всего рисует художник женщину на террасе. Это и испанки («У балкона»), которых обнимает свет, проникающий сквозь жалюзи и высветляющий плещущиеся краски ковра. И «Белые ночи», где две грациозные женщины в белых платьях смотрят в окно, где миражно светится белая ночь. Природа входит и в комнату — цветами. Элегическое, поэтическое настроение белой ночи.

К этой серии картин отнести бы и портрет Т. С. Любатович, но это уже портрет. Портрет праздника. Сияет добром и лаской лицо. Расцветает платье.

Портреты работы Коровина — беспокойные. Передают острое впечатление художника от сиюминутного состояния человека. Люди находятся в движении своего внутреннего мира, состояние их переменчиво.

Мы навсегда запоминаем грустные глаза певца Анджело Мазини или исполненный страстной силы взгляд певички Солюд Отон. Мы улыбаемся в ответ грузному, широколицему Н. Д. Чичагову, не зная, что человек этот с трудом ходил. Но тем не менее мы чувствуем, что он был душой компании и слыл балагуром и весельчаком. Узнав о его недугах, присматриваемся к почти кохочущему лицу и видим: легкость позы, расцвет улыбки — в известной степени и кажущиеся, существующие в портрете напряжение. И старый друг, Федор Шаяпин, с кем столько перешучено и поработано здесь, в портретной галерее Коровина. Он на веранде в «движущейся» вольной позе, артистичен, элегантно небрежен, стремителен, а в совокупности являет красивую силу творческого человека.

И в портретах продолжает Коровин вдохновенно разрабатывать цвет, отыскивая невероятное множество оттенков. Он углубляется в цвет, словно перевоплощаясь, прикидывая, каким еще определенный цвет может показаться. Както приводил художник свой разговор с Шаяпиным после оперы «Ворис Годунов».

«Я ему сказал на сцене: «Ну, ты сегодня был удивителен!» «Знаешь, Константин, — сказал он, — я сошел с ума; я думал сегодня, что я настоящий Борис». И Коровин «сходил с ума» у мольберта.

Его называли понимаемым. Вот он полулежит на диване, изображенный своим верным другом Серовым (их даже называли так: Коров и